

94
E 287

Бураковский ✓

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

227.

„ТАРАСЪ БУЛЬБА“

Н. В. Гоголя

ДОКУСФЕРА

Разборъ повѣсти для учащихся

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ

«ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ ГОГОЛЯ»

СОСТАВИЛЪ

С. ВУРАКОВСКІЙ

ЦѢНА 25 КОП.

НОВГО
ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ
(ЛЕГОЩАЯ УЛ.)

РОДЪ
А. С. ФЕДОРОВА
СОВСТВ. ДОМЪ

1894

ДОКУСФЕРА

287.

„ТАРАСЪ БУЛЬБА“

Н. В. Гоголя

Разборъ повѣсти для учащихся

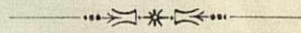
съ приложеніемъ статьи

«ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗИИ ГОГОЛЯ»

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ

ЦѢНА 25 КОП.

НОВГО
ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ
(ЛЕГОЩАЯ УЛ.)

РОДЪ
А. С. ФЕДОРОВА
СОБСТВ. ДОМЪ)

1894

ДОКУСФЕРА

Дозволено цензурою: С.-Петербургъ, 12 Декабря 1893 г.

5675-0

2007066989

РАЗБОРЪ ПОВѢСТИ «ТАРАСЪ БУЛЬБА» ДОКУСФЕРА

Повѣсть Гоголя «Тарасъ Бульба» принадлежитъ къ тому роду поэтическихъ сочиненій, которые называются историческими. Родоначальникомъ исторической повѣсти въ русской литературѣ былъ Карамзинъ, который написалъ два произведенія въ этомъ родѣ: „Наталю боярекую дочь“ и „Марфу Посадницу“. Въ свое время повѣсти Карамзина имѣли большой успѣхъ въ публикѣ, что объясняется не художественными достоинствами, а лишь удобопонятностію и легкостью слога, какимъ онѣ были написаны. Въ первой повѣсти нѣтъ собственно ничего историческаго, т. е. нѣтъ такихъ картинъ и образовъ, которые воспроизводили бы духъ и характеръ русской старины съ достаточною полнотою и правдивостію; кромѣ того, во многихъ сценахъ повѣсти, а также въ характерѣ героини слишкомъ много сентиментальности, столь чуждой вообще нашей патріархальной допетровской старинѣ. Тоже можно сказать и о повѣсти „Марфа Посадница.“ Правда, въ ней довольно вѣрно съ фактической стороны изображено паденіе Новгорода, но, тѣмъ, не менѣе, и она не воспроизводитъ эпохи съ тою живостію и реальностію, какія присущи истинно художественному произведенію. Кромѣ того, на повѣсти „Марфа Посадница“ замѣтно отчасти вліяніе ложно-классицизма, по крайней мѣрѣ, языкъ, какимъ говорятъ ея герои, отличается чрезмѣрнымъ краснорѣчіемъ, совершенно противорѣчащимъ и характеру дѣйствующихъ лицъ, и условіямъ русской жизни той эпохи. Таковы историческія повѣсти Карамзина, положившія начало этого рода поэзіи въ русской литературѣ. Въ концѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ русскомъ обществѣ явилось стремленіе къ изученію русской народности, чему

отчасти способствовали успѣхи исторической науки. Благодаря этому, многіе представители нашей беллетристики обратились къ воспроизведенію прошлой жизни Россіи, и такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ и повѣстей Загоскина, Лажечникова, Полевого и друг. Ихъ произведенія нравились тогдашнимъ читателямъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно отличаются занимательностью содержанія, каковы, напримеръ романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ или романы Лажечникова: „Послѣдній Новикъ“, „Васурманъ“, „Ледяной домъ“. Тѣмъ не менѣе, произведенія этихъ писателей полны ложной идеализаціи событій и лицъ, составлялись болѣе или менѣе по одному и тому же шаблону и совершенно далеки какъ отъ исторической, такъ и отъ художественной правды. Совершенно особнякомъ стоятъ историческія повѣсти такихъ гениальныхъ творцовъ, какъ Пушкинъ и Гоголь. Въ своихъ произведеніяхъ „Арапъ Петра Великаго“ и „Капитанская дочка“ Пушкинъ далъ превосходные образцы этого рода поэзіи: въ нихъ видно не только знаніе исторіи, но и умѣнье живо воспроизводить черты прошлаго, умѣнье уловить духъ времени даже въ мелкихъ подробностяхъ, дать рассказъ, замѣчательный какъ по своей объективности и реальности, такъ и по простотѣ и натуральности рѣчи. Къ художественной поэзіи относится и повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба“.

Повѣсть „Тарасъ Бульба“ составляетъ часть сборника рассказовъ, издавнаго Гоголемъ въ 1835 году подъ названіемъ „Миргородъ“. Гоголь, какъ видно изъ его писемъ, глубоко интересовался не только легендами и преданіями своей родины Малороссіи, но и ея историческими судьбами. Въ письмахъ къ роднымъ и знакомымъ онъ проситъ присылать ему различныя историческія свѣдѣнія о Малороссіи, описаніе нравовъ, обычаевъ, костюмовъ и т. п. „Принося чувствительнѣйшую благодарность, пишетъ онъ къ матери, — за ваши драгоценныя извѣстія о малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь такими письмами. Въ тиши уединенія готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пушу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно.“ Занятый мыслью написать подробную исторію Малороссіи, Гоголь весьма усердно изучалъ матеріалы, относящіеся къ этому предмету. Эпоха борьбы казачества съ поляками, полная трагическихъ сценъ и

славныхъ подвиговъ ея героевъ, особенно сильно повліяла на фантазію поэта, и вмѣсто историческаго труда, о которомъ мечтала Гоголь, явилась повѣсть „Тарасъ Бульба“ — одно изъ лучшихъ его созданий въ эпоху романтическаго періода его творчества. При созданіи повѣсти Гоголь пользовался, какъ источниками, „Описаніемъ Украйны“ Воюана, „Исторією Руссовъ“ Конисскаго, „Исторією о казакахъ запорожскихъ“ м. Пылецкаго и друг. Но самымъ богатымъ и благодарнымъ матеріаломъ для изображенія быта и подвиговъ запорожскихъ казаковъ послужили Гоголю малороссійскія народныя пѣсни, которымъ онъ и самъ отводилъ первое мѣсто между всеми другими источниками для исторіи эпохи, изображенной въ „Тарасѣ Бульбѣ“. „Малороссійскія народныя пѣсни“, говоритъ Гоголь въ одной своей статьѣ, — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа... Онъ надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минушаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.“ Такое важное историческое значеніе придавалъ Гоголь народнымъ малороссійскимъ пѣснямъ. Вліяніе послѣднихъ на повѣсть «Тарасъ Бульба» замѣтно во многихъ ея мѣстахъ: широкая воля казацкой жизни, разгульныя пиршества казаковъ, ихъ пренебреженіе къ опасностямъ битвъ, жалкое положеніе женщины среди этихъ рыцарей степи — всѣ эти мотивы, входящіе въ содержаніе народныхъ южно-русскихъ пѣсней, являются и въ повѣсти, конечно уже въ болѣе обработанномъ видѣ.

Еще раньше созданія повѣсти „Тарасъ Бульба“ у Гоголя были попытки написать сочиненіе изъ прошлой жизни Малороссіи, что видно, напримѣръ, изъ отрывковъ „Острица“ и „Плѣнникъ“. Историческій элементъ проглядываетъ иногда и въ нѣкоторыхъ разказахъ „Вечеровъ на хуторѣ:“ такъ въ повѣсти „Ночь предъ Рождествомъ мы находимъ описаніе Двора Императрицы Екатерины II, при чемъ, кромѣ государя и царицы, являются Потемкинъ и Фивизинъ. Повѣсть „Вій“ также можетъ быть названа историческою: въ ней хотя и нѣтъ крупныхъ историческихъ событій, но зато она подробно рисуетъ картину нравовъ XVII вѣка со всѣми его суевѣрїями, изображаетъ жизнь кїевскихъ бурсаковъ, съ ихъ кулачными боями, мистерїями и кантами, а также жизнь богатаго пана сотника. Разказъ „Страшная мѣсть“ весь построенъ на историческомъ фактѣ борьбы казаковъ съ ляхами и имѣетъ много сходнаго съ повѣстью „Тарасъ Бульба.“ Казацкая удаль и безстрашіе, трогательная любовь къ отчизнѣ до самопожертвованія, непримиримая ненависть къ католикамъ, наконецъ высокое чувство товарищества — всѣ эти мотивы одинаковы какъ въ „Страшной мѣсти,“ такъ и въ „Тарасъ Бульбѣ.“ Изображеніе Бульбы, когда онъ направляетъ удары сабли на непріятельское войско, сходно съ изображеніемъ пана Данилы, героя „Страшной мѣсти;“ описаніе смерти пана Данилы послужило основаніемъ для цѣлаго ряда подобныхъ описаній въ „Тарасъ Бульбѣ.“ Всѣ указанные повѣсти Гоголя были такимъ образомъ какъ бы предварительными этюдами къ созданію повѣсти „Тарасъ Бульба.“

Повѣсть „Тарасъ Бульба“ сохранилась въ двухъ редакціяхъ, значительно отличающихся другъ отъ друга. Въ позднѣйшей редакціи, которую Гоголь началъ въ 1839 году, во время пребыванія въ Вѣнѣ, характеристика Бульбы совершенно измѣнена противъ первоначальной печатной редакціи. Бульба уже не строптивый полковникъ, который ссорится со своими за неравномѣрное распредѣленіе добычи между казаками и поляками: въ новой обработкѣ повѣсти онъ „перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ.“ Въ послѣднюю редакцію внесень новый эпизодъ: Переяславскій курень, расположенный передъ

въ цѣломъ рядѣ живыхъ картинъ многія явленія изъ бытовой и политической исторіи Малороссіи XVI вѣка. Въ немъ подробно описано населеніе Украины того времени, ея политическое устройство, положеніе евреевъ, бытъ, нравы и военное искусство казаковъ, ихъ отношенія къ полякамъ и другимъ враждебнымъ народамъ. Запорожская Сѣчь съ ея обычаями и суровыми законами—однимъ словомъ рѣшительно **вдохотелъ** **ЕРА** иначе характеризуетъ Украину и ея обитателей. Пусть при описаніи нѣкоторыхъ частности Гоголь иногда допускаетъ преувеличеніе, какъ, на примѣръ, при описаніи Сѣчи, жизнь которой онъ сравниваетъ съ непрерывнымъ пиршествомъ, съ баломъ, начавшимся шумно и потерявшимъ свой конецъ; но общія черты эпохи, рельефно представленныя въ повѣсти, изображены вѣрно исторически. Да и въ подробностяхъ Гоголь рѣдко отступаетъ отъ исторіи, по крайней мѣрѣ въ повѣсти можно указать много мѣстъ, подобныхъ картинѣ избранія новаго кошевого, описанной на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, которыя взяты были поэтомъ изъ сочиненія кн. Мышецкаго „Исторія о казакахъ запорожскихъ“. Самое отношеніе автора къ прошлому своей родины въ „Тарасѣ Бульбѣ“ иное, чѣмъ это мы видимъ въ его болѣе раннемъ историческомъ разсказѣ, именно въ „Страшной мести“, гдѣ также изображаются казаки. Воспѣвая въ повѣсти, историческую славу своей родины, поэтъ, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ и нравами Украины, а равно и историческое безпристрастіе. Въ „Страшной мести“ поляки изображаются въ карикатурномъ видѣ, извергами и хвастунами, въ противоположность казакамъ, которыя являются тамъ великодушными богатырями. Въ повѣсти „Тарасъ Бульба“, напротивъ, авторъ не скрываетъ той грубости и дикости нравовъ, которыя господствовали среди казаковъ. Такъ при описаніи ихъ набѣговъ онъ говоритъ: „часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ—и все тогда прощалося съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дыбомъ стоялъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые приносили вездѣ занорожцы“.

Еще болѣе замѣчательны литературныя достоинства повѣсти Гоголя. Характеръ главнаго героя Бульбы выдержанъ превосходно отъ начала до конца: ни одна черта его не противорѣчитъ той общей идеѣ, которую авторъ хотѣлъ выразить въ образѣ своего героя. Тарасъ Бульба—это не простое олицетвореніе общихъ свойствъ украинскаго казачества, это живой типъ, въ которомъ соединяются разнообразныя черты, общечеловѣческія, національныя и личныя. Съ большимъ искусствомъ поэтъ воспроизводитъ даже самую рѣчь своего героя: слова и фразы Тараса то выражаютъ грубость его нрава, то проникнуты живымъ и неподдѣльнымъ юморомъ, свойственнымъ малороссу, то становятся восторженными, когда герой говоритъ о силѣ и святости товарищества или призываетъ казаковъ на подвигъ борьбы съ врагами. Съ такимъ же искусствомъ изображаются и другіе характеры повѣсти, особенно характеръ жены Тараса, обрисованный немногими, но выразительными чертами. Помимо изображенія характеровъ достоинства повѣсти заключаются въ самомъ разсказѣ, а также въ художественности отдѣльныхъ описаній картинъ природы и жизни. Представляя цѣлый рядъ сценъ, разсказъ ведется съ замѣчательною послѣдовательностью и занимателенъ отъ начала до конца повѣсти. Отдѣльныя описанія исполнены истинно художественнаго творчества. Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, поэтическое описаніе южно-русской степи, правдивое, выразительное, проникнутое сердечнымъ чувствомъ. Съ такою же теплотою и правдивостью описано поэтомъ тревожное душевное состояніе жены Тараса въ ту безсонную ночь, которую проводитъ она у изголовья своихъ сыновей накануне ихъ отъѣзда въ Сѣчь; описаніе это поэтъ соединяетъ вмѣстѣ съ характеристикой вообще печальной судьбы женщины на Запорожьѣ тотъ суровый воинственный вѣкъ. Приводимъ это замѣчательное мѣсто повѣсти. „Одна бѣдная мать не спала. Она приикла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственной грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ

собою? — «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ перву югорячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для **ДОКУСФЕРА** видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости: она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубилъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ: можетъ быть онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много вышилъ.“ Мѣсяць съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, все полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самого низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь

протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось зовико ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ“. Есть въ повѣсти сцены, исполненныя живого, неподдѣльнаго юмора, какъ напримѣръ, сцена избранія новаго кошевого въ III главѣ повѣсти. Но юморъ является только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсти, проникнутой вообще драматизмомъ, отличающимъ ее отъ всѣхъ другихъ произведеній Гоголя. **ДОКУМЕНТАЛЬНО**

Въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголь, между прочимъ, изображаетъ любовь Андрія къ полячкѣ и его гибель вълѣдствіе этой страсти. Но чувству любви, являющемуся обыкновенно главнымъ мотивомъ въ романахъ, въ произведеніи Гоголя отведено второстепенное мѣсто, и все вниманіе поэта обращено на такія явленія, которыя обрисовываютъ воинскіе подвиги казаковъ, ихъ общественную и частную жизнь, наконецъ ихъ славу и могущество. Всѣ эти явленія изображаются съ такою полнотою, какую можно видѣть только у Гомера. „Тарасъ Бульба“, по выраженію Бѣлинскаго, это отрывокъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа, отражающій все казачество. Такое свойство произведенія Гоголя рѣзко отличаетъ его отъ обычныхъ повѣстей и романовъ и приближаетъ его къ тому виду эпоса, который называется поэмой.“ Произведеніе Гоголя не просто романъ, а романъ—поэма.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя.

Каждый изъ великихъ писателей отличается присущими ему особенностями, совокупность которыхъ представляетъ, такъ сказать, его литературную фizioномію. Эти особенности выражаются какъ въ содержаніи его произведеній, т. е. въ выборѣ матеріаловъ, въ мотивахъ, такъ и въ манерѣ изображенія дѣйствительности, въ отношеніяхъ къ ней самого автора, въ его воззрѣніяхъ на природу и человѣка, въ его понятіяхъ и чувствахъ. Указаніе этихъ особенностей вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и

значеніе дѣятельности писателя, ибо ими онъ вноситъ новое теченіе въ литературу, распространяетъ въ обществѣ новыя понятія о жизни и ея явленіяхъ, вызываетъ послѣдователей и такимъ образомъ создаетъ цѣлую школу, которая и получаетъ господствующее вліяніе въ извѣстный періодъ времени.

Однимъ изъ характеристическихъ свойствъ таланта Гоголя является необыкновенный даръ наблюдательности. Даръ этотъ проявляется у Гоголя, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ. „Прежде, давно“, говоритъ онъ, въ лѣтахъ моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за нимъ въ бѣдную жизнь ихъ!! Благодаря необыкновенной наблюдательности, Гоголю удавалось подмѣчать въ окружавшей его жизни такія явленія, которыя для другихъ оставались незамѣченными. Ни у одного изъ предшественниковъ Гоголя мы не найдемъ такого подробнаго изображенія русской жизни со всѣми ея мелочами, какъ въ произведеніяхъ Гоголя. Предметомъ его сочиненій служатъ не рѣзкія исключенія или выдающіяся лица и событія, а самые обыденные характеры, вся дрянь пошлой дѣйствительности „вся страшная, потрясающая тина мелочей, оцутывавшихъ нашу жизнь“. Но эти мелочи и обыденные характеры такъ ярко и правдиво отражали современное поэту русское общество, что производили глубокое впечатлѣніе на чита-

телей, которые не раз готовы были видѣть въ типахъ Гоголя намеки на отдѣльныя личности. Если исключить „Вечера на хуторѣ“ и „Тараса Бульбу“, повѣсти, въ которыхъ выразился такъ сказать романтическій періодъ творчества Гоголя, все остальные его крупныя произведенія, какъ-то: петербургскія повѣсти „Шинель“, „Невскій проспектъ“, „Портретъ“, далѣе комедія „Ревизоръ“ и въ особенности поэма „Мертвыя души“, представляютъ художественное воспроизведеніе такихъ явленій, которыя характеризуютъ современную писателю русскую жизнь и исключительно ея темныя стороны. Этими произведеніями, проникнутыми глубокимъ юморомъ и жизненной правдой, Гоголь и положилъ въ русской литературѣ начало новаго направленія, которое получило названіе „натуральнаго“ или „реального“. Все, что такъ или иначе противорѣчило идеально-разумной жизни, нашло отраженіе въ юмористическихъ созданіяхъ Гоголя. Достаточно указать нѣсколько примѣровъ. Взяточничество и казнокрадство, несмотря на правительственныя мѣры противъ этихъ злоупотребленій, господствовали въ то время среди русскаго чиновничества. И Гоголь изображаетъ намъ эти недостатки не только эпизодически во многихъ своихъ повѣстяхъ и въ поэмѣ „Мертвыя души“, но и пишетъ цѣлую комедію, въ которой собираетъ въ кучу, какъ самъ говоритъ, все дурное въ Россіи и осмѣиваетъ все несправедливости, какія дѣлались въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего отъ человѣка требовалась справедливость. Жалкое положеніе мелкаго служебнаго люда, грубыя отношенія къ нему людей сильныхъ также были предметомъ наблюденія у Гоголя. Ни въ одной литературѣ образованныхъ народовъ нельзя найти такого юмористически-тонкаго, мѣткаго и жизненнаго созданія, какъ у Гоголя повѣсть „Шинель“, которая, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, замѣчательна еще и тѣмъ, что представляетъ собою цѣлую исторію чиновничества старыхъ временъ со всемъ жалкимъ пролетариатомъ и съ генералами, умѣющими распекаль во время мелюзгу. Кромѣ чиновниковъ, въ произведеніяхъ Гоголя являются дѣйствующими лицами представители и другихъ сословій. Въ художественныхъ типахъ Манилова, Плюшкина, Собакевича и другихъ помѣщиковъ поэмы „Мертвыя души“ предъ нами раз-

вертывается картина жизни мелкаго русскаго дворянства, современнаго автору, картина, замѣчательная по своей реальности. Жизнь эта чисто растительная, чуждая всякихъ высокихъ стремленій, полная, наоборотъ, мелочныхъ интересовъ, скондомства, кулачества или безшабашнаго разгула, какою, за весьма рѣдкими исключеніями, она и была въ дѣйствительности. Гоголь, правда, слегка касается крѣпостнаго права, онъ, подобно Дюма въ „Запискахъ охотника“, не изображаетъ тиранства или вообще жестокихъ людей; но, тѣмъ не менѣе, его поэма „Мертвыя души“ и въ этомъ отношеніи производитъ глубокое впечатлѣніе, ибо уже одна торговля мертвыми душами, которая считается за ничто, если онъ не дають выгоды, хорошо рисуетъ темныя стороны помѣщичьихъ правовъ, бывшія слѣдствіемъ отчасти ненормальныхъ общественныхъ условій, отчасти невѣжества, господствовавшаго тогда въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Черты правовъ военнаго сословія также попадаются въ разныхъ сочиненіяхъ Гоголя. Изображая военныхъ людей, Гоголь, разумѣется, и здѣсь рисуетъ отрицательныя стороны, какъ, на примѣръ, въ двухъ поручикахъ Пироговъ и Кувшинниковъ, но, тѣмъ не менѣе, многое и здѣсь схвачено чрезвычайно вѣрно. И въ области воспитанія Гоголь указалъ на существенные недостатки своего времени: говоря о женѣ Манилова, онъ характеризуетъ весьма мѣтко современное пансіонское воспитаніе; изображаетъ типы тогдашнихъ педагоговъ въ фигурѣ учителя Чичикова, любителя тишины, а также въ лицѣ Никифора Тимофеевича Дѣспричастія, исправлявшаго учениковъ ударами линейки и т. п.

Такимъ образомъ, въ своихъ произведеніяхъ Гоголь касался различныхъ явленій современной ему русскаго жизни, и въ этомъ заключается ихъ общественное значеніе. Но не въ одномъ только искусствѣ воспроизводить русскую жизнь выразились самобытность Гоголя и тотъ реализмъ, родоначальникомъ котораго онъ считается. Были и до Гоголя и даже въ ближайшее къ нему время произведенія, натурально изображавшія русскую жизнь: таковы, на примѣръ, комедія „Горѣ отъ ума,“ и особенно романъ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ,“ въ которомъ обрисованы различные слои русскаго общества. Но самобытность писателя опредѣляется какъ въ томъ, что онъ изображаетъ въ своихъ произ-

веденіяхъ, такъ и въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности. „И Пушкинъ, и Лермонтовъ (слова г. Шенрока), не говоря объ ихъ предшественникахъ, выбирали для своихъ произведеній исключительные, поэтическіе сюжеты; Гоголь сталъ изображать современную жизнь, какъ она есть въ цѣломъ, а не по частямъ. И въ этомъ существенная разница. Колоссальное представлени- en grand „всей громадно-несущейся жизни“ — большое преимущество Гоголя. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ ученикомъ передъ Пушкинымъ, далеко оставляя его за собой, въ свою очередь, въ глубокомъ практическомъ познаніи жизни. Извѣстно, что Гоголь поразилъ и огорчилъ Пушкина печальной картиной общественной жизни въ „Мертвыхъ душахъ.“ Пушкинъ, сначала безпечный и веселый, слушая чтеніе поэмы, постепенно становился мрачнѣе и наконецъ воскликнулъ съ тоской: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Очевидно, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чтеніе „Мертвыхъ душъ“ раскрыло передъ нимъ цѣлый неподозрѣваемый прежде міръ, ужаснуло его той непреходимой трясиной, которую представляла тогдашняя провинціальная русская жизнь и которую вмѣстѣ съ милліонами людей не вполне замѣчалъ и Пушкинъ, тогда какъ изображеніе ея съ болѣзненными конвульсіями исторгаль Гоголь изъ запаса своей необыкновенной наблюдательности. Вотъ причина страстной тоски Гоголя по идеаламъ, проявляющейся въ послѣдствіи и въ его перепискѣ и легко объясняемой тѣмъ хаосомъ окружающей жизни, который такъ отчетливо пронизаль его зоркій глазъ. Эту то неудовлетворенность настоящимъ передалъ потомъ Гоголь и всѣмъ своимъ мыслящимъ современникамъ, затронувъ и расшевеливъ благородное стремленіе къ прогрессу въ душѣ будущихъ даровитыхъ представителей славянофильства и западничества. Произведенія Гоголя заставляютъ читателей содрогнуться „за чело- вѣка“ и искать выхода изъ мрака — и въ этомъ ихъ неотразимая общественная сила; въ этомъ причина ихъ бесспорно значительнаго вліянія, вѣрно замѣченнаго и оцѣненнаго современниками. Пушкинъ изображалъ и темныя стороны жизни; но Гоголь къ нимъ имѣлъ случай ближе присматриваться, и кромѣ того мы находимъ у него болѣе глубокой психологической анализъ, который именно всего сильнѣе и дѣйствуетъ на читателей, заставляя

ихъ задуматься надъ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ неминуемо промелькнуло бы мимо. Благодаря психологическому анализу, надъ героями Гоголевыхъ повѣстей и драмъ нельзя не остановиться, тогда какъ соотвѣтствующіе герои и случаи жизни, изображенные Пушкинымъ, нисколько не тревожатъ насъ и почти не возбуждаютъ чувства отвращенія. Возьмемъ такъ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СФЕРА
Вліяніе пошлыхъ, мелочныхъ причинъ на взаимныя человѣческія отношенія изображено не только у Гоголя въ его повѣсти „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, но и у Пушкина въ „Барышнѣ — крестьянкѣ:“ но только Пушкинъ представляетъ моментъ примиренія, Гоголь — самую ссору. Сходство несомнѣнное; разница же *въ впечатлѣніи*: ссора двухъ малороссовъ у Гоголя поражаетъ и подавляетъ читателя, тогда какъ у Пушкина ссора двухъ ссѣдей только занимаетъ его. Другой примѣръ можетъ представить изображеніе негодя Шабашкина въ „Дубровскомъ“ и чиновниковъ у Гоголя. Пушкинъ также представляетъ намъ отвратительную готовность мелкаго приказнаго унижаться передъ сильными міра и превозноситься передъ слабыми, чинить въ угоду знатныхъ вельможъ всякія неправды; но Пушкинъ не вводитъ читателя, подобно Гоголю, въ грязную труппу низкой души героя; тогда какъ это именно и могло бы произвести потрясающее дѣйствіе неумолимо-реальной правдивостью изображенія и подѣйствовать воспитательно, заставивъ оглянуться на себя и вокругъ себя.“

Такимъ образомъ, сущность направленія, главою котораго въ русской литературѣ является Гоголь, заключается въ оригинальности содержанія его произведеній, а также въ глубокомъ психологическомъ анализѣ, не имѣвшемъ равнаго себѣ въ предшествовавшей литературѣ. Остановимся на этихъ двухъ свойствахъ поэзіи Гоголя. Предметомъ его произведеній служатъ самобытныя явленія русской жизни, которыхъ или совсѣмъ не касались предшествовавшіе ему писатели, или если и касались, то только слегка, не придавая имъ особеннаго значенія. Если сопоставить романъ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“ съ поэмой „Мертвыя души,“ то при одинаковомъ художественномъ ихъ значеніи между ними есть существенное различіе въ характерѣ самаго содержанія: изображая свойства русскаго человѣка отъ простаго мужика до барина, поэма Гоголя глубже проникаетъ въ

сущность современной дѣйствительности, раскрываетъ вошіюція общественныя язвы, господствовавшія не въ одномъ какомъ-нибудь сословіи, а въ различныхъ кругахъ русскаго общества; и вотъ почему справедливо мнѣніе критиковъ, разсматривавшихъ „Мертвыя души,“ какъ энциклопедію русской жизни, современной Гоголю. Общественная сторона произведеній Гоголя принесла значительную пользу для развитія самосознанія среди русскихъ людей и была главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго возникла вся новѣйшая русская литература въ ея лучшихъ представителяхъ. Само собою разумѣется, что новое теченіе, представителемъ котораго былъ Гоголь, началось нѣсколько раньше и не было вовсе внезапнымъ переворотомъ: зачатки этого теченія скрываются въ послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина. Но каждый изъ нихъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ развитіи русской литературы. И до Пушкина были писатели, обладавшіе даромъ поэтическаго творчества; но Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ возвелъ русскую литературу на степень вполне художественнаго искусства, и въ этомъ заключается главнѣйшій образъ его значеніе въ исторіи нашей поэзіи. Въ послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина замѣчается новое теченіе: отъ поэтической формы онъ переходитъ къ прозаической, пишетъ нѣсколько повѣстей и небольшихъ рассказовъ, въ которыхъ какъ бы указываетъ на необходимость воспроизведенія самобытныхъ явленій русской жизни. Но не на этихъ произведеніяхъ зиждется слава Пушкина, какъ геніальнаго творца, и представителемъ выше указаннаго направленія въ русской литературѣ долженъ быть признанъ Гоголь. Самъ Пушкинъ провидѣлъ въ Гоголѣ способность къ возсозданію общественныхъ недуговъ современной русской жизни: недаромъ онъ предложилъ Гоголю сюжеты „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Другая сторона поэзіи Гоголя, именно глубокій психологическій анализъ, ясно выражается въ изображеніи характеровъ и явленій обыденной русской жизни. Благодаря этой необыкновенной способности къ психологическому анализу, Гоголь могъ въ самыхъ ничтожныхъ повидимому случаяхъ жизни находить глубокій смыслъ и художественною обработкою этихъ случаевъ пробуждать въ читателяхъ высокія нравственныя чувства. Достаточно привести слѣдующій примѣръ.

Однажды при Гогольъ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья. Но въ первый же разъ, отправившись на лодкѣ съ ружьемъ, чиновникъ, незаметно для себя, проѣзжая тростникомъ, обронилъ ружье въ воду. Все поиски его были тщетны и, воротившись домой, онъ слегъ отъ огорченія въ постель. Только общей подпиской товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, онъ былъ возвращенъ къ жизни, но всетаки не могъ забыть о страшномъ для него происшествіи. Все смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Этотъ ничтожный въ сущности анекдотъ возбудилъ въ душѣ писателя первую мысль чудной повѣсти „Шинель“, въ которой разсказывается трогательная исторія о несчастной судьбѣ бѣднаго незначительнаго чиновника, но разсказывается съ такою теплотою чувства и съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ тайники души простого человѣка, что въ сердцѣ читателя невольно пробуждается чувство состраданія.

Но самыми характеристическими свойствами поэзіи Гоголя являются лиризмъ и особенно юморъ. Подъ лиризмомъ мы разумѣемъ выраженіе воодушевленія и чувства восторга поэта, когда онъ описываетъ особенно имъ любимые предметы. Этотъ лиризмъ мы находимъ уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Гоголя, именно въ „Вечерахъ на хуторѣ“, гдѣ онъ выразился въ идеальномъ изображеніи малороссійской женщины, а также въ описаніяхъ картинъ природы. Въ описаніяхъ природы Гоголь (слова г. Шенрока) является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ быть, иной разъ уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью... Въ „Майской ночи“ невыразимое обаяніе чувствуется

въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескъ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, простираясь до неопредѣленности и даль“. Здѣсь описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка. Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи предъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собой темную ночь, дышетъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость, „Чудно блещетъ мѣсяць! Трудно рассказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ штуки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ сплошнымъ кожухомъ тепло: отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади“. Все это дѣйствительно какъ будто „живетъ и движется передъ нами.“ Лиризмъ является однимъ изъ главныхъ элементовъ и въ поэмѣ „Тарасъ Бульба“, хотя предметомъ ея служатъ картины прошлаго. Восторженнымъ чувствомъ проникнуто роскошное описаніе южной русской степи, оканчивающееся извѣстнымъ восклицаніемъ: „чортъ васъ возьми степи, какъ зы хороши!“ Въ сценѣ разговора Андрія съ полячкой Гоголь не столько заботится о соблюденіи исторической вѣрности, сколько чувствуетъ потребность выразить чисто субъективно-поэтическое преклоненіе передъ женщиной, представляя ее слишкомъ идеальными чертами. „Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловить ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсень народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то

проѣзжающей тельги“. Одни изъ лирическихъ мѣстъ „Тараса Бульбы“ явились подъ непосредственнымъ вліяніемъ народныхъ малороссійскихъ пѣсней, другія были выраженіемъ личныхъ чувствъ и размышленій поэта, какъ, на примѣръ, то мѣсто, гдѣ онъ передаетъ свои мысли по поводу благословенія матери Остапу и Андрію, привезеннаго есауломъ. „Что-то пророчитъ и оговоритъ имъ это благословенье? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?.. Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка не видя ястреба, ястребъ — не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей гибели“. Особенно важное значеніе имѣетъ лиризмъ поэта въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ изображаетъ пошлость и мелочь обыденной жизни, или обрисовываетъ нравственно-надшихъ людей. Глубокою задушевностью проникнуто, на примѣръ, обращеніе поэта къ молодымъ людямъ по поводу Плюшкинской ничтожности и мелочности: „забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ“. Подобными лирическими отступленіями, которыя иногда состоятъ изъ одной какъ-будто нечаянно оброненной фразы, Гоголь „ярче освѣщаетъ высокое, грустное и въ этихъ образахъ, созданныхъ изъ смѣшного и презрѣннаго“.

Другое характерное свойство поэзіи Гоголя — это юморъ „Оригинальность Гоголя (слова Бѣлинскаго) состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи русская поговорка: „началье во здравіе, а свель за упокой“ можетъ быть девизомъ его повѣстей... Возьмите „Записки сумасшедшаго“, эту страшную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнью, жалкимъ человѣкомъ, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смѣтаетесь надъ про-

стакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшить и возбуждаетъ состраданіе... Юморъ Гоголя имѣеть свой особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее, онъ даже какъ будто любитъся ею, какъ любитъся взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностью, но которыхъ онъ не имѣеть желанія раздѣлить. Но тѣмъ не менѣе это все-таки юморъ, ибо не падаетъ ничтожества, и не скрываетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе". Надо однако, замѣтить, что грусть, которою проникнуть смѣхъ Гоголя, явилась въ его поэзіи не сразу: сначала въ „Вечерахъ на хуторѣ“ его юморъ отличался веселостью; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ наблюденій поэта надъ явленіями современной ему жизни, чѣмъ сильнѣе возмущалось его чувство ничтожествомъ умственного кругозора и стремленій людей, тѣмъ смѣхъ его принималъ болѣе серьезный характеръ и въ его юморѣ слышна уже грусть, или, какъ онъ самъ говоритъ, незримыя міру слезы, ибо это былъ уже не простой смѣхъ, а „честный смѣхъ“, показывавшій благородную натуру съ высшими стремленіями.

Въ „Мертвыхъ душахъ“, особенно часто (слова Шевырева) веселость смѣняется задумчивостью и печалью. Смѣхъ принадлежитъ въ Гоголѣ художнику, который не инымъ чѣмъ какъ смѣхомъ можетъ заирать въ свои владѣнія весь грубый скарбъ визменной природы смертнаго; но грусть принадлежитъ въ немъ человѣку... Яркій смѣхъ поэта, переливаясь черезъ глубокую думу и печаль, превращается въ немъ такъ часто въ возвышенныя лирическія движенія: тотъ же самый человѣкъ, который теперь только передъ вами такъ беззаботно смѣялся и смѣшилъ васъ, является вдохновеннымъ прорицателемъ, съ торжественною думою на важномъ челѣ своемъ. Эта способность такъ легко переходить отъ хохота ко всемъ отбѣнкамъ чувства, до самыхъ высокихъ лирическихъ восторговъ, показываетъ, что смѣхъ поэта происходитъ въ немъ не отъ холоднаго разсудка, который все

отрицаетъ, и потому надъ всѣмъ смѣется, но отъ глубины чувства, которое въ самой природѣ человѣческой дѣлится на веселье и горе. Вотъ чѣмъ юмористическій хохотъ Гоголя отличенъ отъ того пустого пересмѣшничества, которое часто встрѣчается во французской литературѣ и ведетъ свое начало отъ Вольтера. Пересмѣшникъ издѣвается разсудкомъ, а не чувствомъ смѣется: хохотъ перваго утомляетъ подъ конецъ своею пустотою, тогда какъ хохотъ втораго часто заставляетъ задумываться“.

Въ одномъ мѣстѣ своей „Переписки съ друзьями“ Гоголь говоритъ о себѣ слѣдующее: „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышала одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“. „Въ этихъ словахъ (мнѣніе Бѣлинскаго) много правды; но ихъ нельзя принимать за полное и окончательное сужденіе о Гоголѣ... Гоголь создалъ типы — Ивана Федоровича Шпоньки, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Хлестакова, Городничаго, Бобчинскаго и Добчинскаго, Земляники, Шпекина, Тяпкина-Ляпкина, Чичикова, Манилова, Коробочки, Плюшкина, Собакевича, Ноздрева, и многіе другіе. Въ нихъ онъ является великимъ живописцемъ пошлости жизни, который видитъ насквозь свой предметъ во всей его глубинѣ и широтѣ и схватываетъ его во всей полнотѣ и цѣлости его дѣйствительности. Но тотъ же Гоголь написалъ „Тараса Бульбу“, поэму, герой и второстепенныя дѣйствующія лица которой — характеры высоко-трагическіе. Въ ней является та особенность, которая принадлежитъ только таланту Гоголя. Въ драмахъ Шекспира встрѣчаются съ великими личностями и пошляки, но комизмъ у него всегда на сторонѣ послѣднихъ; его Фальстафъ смѣшонъ, а принцъ Генрихъ и потомъ король Генрихъ V вовсе не смѣшонъ. У Гоголя Тарасъ Бульба такъ же исполненъ комизма, какъ и трагическаго величія; ибо эти противоположныя элементы слились въ немъ неразрывно и цѣ-

лостно въ единую, заменутую въ себѣ личность; вы и удивляетесь ему, и ужасаетесь его, и смѣетесь надъ нимъ... Если въ „Тарасѣ Бульбѣ“ Гоголь умѣлъ въ трагическомъ открыть комическое, то въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и въ „Шинели“ онъ умѣлъ уже не въ комизмѣ, а въ положительной пошлости жизни найти трагическое. Вотъ гдѣ, **ДОКУМЕНТАЛЬНА** искать существенной особенности таланта Гоголя. Это не одинъ даръ выставлать ярко пошлость жизни, а еще болѣе даръ выставлать явленія жизни во всей полнотѣ ихъ реальности и ихъ истинности... Гоголь, по натурѣ своей, не склоненъ къ идеализации, онъ не вѣритъ ей, она кажется ему отвлеченіемъ, а не дѣйствительностью; въ дѣйствительности для него добро и зло, достоинства и пошлость не раздѣльны, а только перемѣшаны не въ равныхъ доляхъ. Ему дался не пошлый человѣкъ, а человѣкъ вообще, какъ онъ есть, не украшенный и не идеализированный“.

Изъ указанныхъ нами выше характеристическихъ свойствъ поэзіи Гоголя не трудно опредѣлить и ея значеніе въ исторіи русской литературы. Помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, поэзія Гоголя имѣетъ прежде всего то значеніе, что, за исключеніемъ немногихъ произведеній, вся она является вѣрнымъ и правдивымъ отраженіемъ современной русской жизни. У Пушкина современная русская жизнь изображена только въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ;“ что касается до другихъ его произведеній, то матеріаломъ для нихъ служили или старина или сюжеты, совершенно чуждые русской жизни. Эти произведенія, говоритъ А. Н. Пыпинъ, оказали великое вліяніе на литературу какъ на искусство; поэмы и рассказы изъ старины показываютъ превосходное знаніе народной жизни и научили изображать ее, но они не дѣйствовали на общество прямо, не давали ему сознанія общественнаго, не указывали ему идеала.“ Поэзія Гоголя почти всецѣло посвящена изображенію современнаго русскаго общества. Правда, его поэзія отрицательная: она рисуетъ типы, которые являются рѣзкими отступленіями отъ нравственно разумной жизни; но тѣмъ не менѣе полнота и необыкновенная рельефность отрицательныхъ типовъ сами собою указываютъ на тѣ средства, ко-

ими человекъ или общество могутъ достигнуть возможнаго совершенства. Далѣе, посвящая почти все сочиненія свои изображенію русской жизни, Гоголь воспроизводитъ ее во всей ея истинности: онъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, ничего въ ней не смягчаетъ, не украшаетъ вельдствіе какихъ нибудь заранѣе приятныхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ ^{напримѣръ} Пушкинъ въ „Онягинѣ“ идеализировалъ помѣщичій бытъ. Русская литература, какъ извѣстно, началась подражаніемъ; но она не остановилась на этой ступени: лучшіе ея представители стремились къ самобытности и народности, стремились къ тому, чтобы освободить литературу отъ оковъ риторики и сдѣлать ее естественною, натуральною. Но „ни въ одномъ русскомъ писателѣ (слова Бѣлинскаго) это стремленіе не достигло такого успѣха какъ въ Гоголѣ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носить на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя, и этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ „украшенной природы;“ но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого ужъ невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства—какъ воспроизведенія дѣйствительности во всей ея истинѣ.“ Не маловажное значеніе имѣетъ поэзія Гоголя и въ томъ отношеніи, что ею онъ вносилъ въ литературу глубокой психологической анализъ, который отрывалъ широкій путь наблюденій для послѣдующихъ русскихъ писателей. Мы уже упоминали о томъ, съ какою гуманностью Гоголь изображаетъ мелкій людъ, горе и радость обитателей какихъ-нибудь захолустныхъ уголковъ нашей столицы. Это чувство гуманности, которымъ проникнуты многія произведенія Гоголя, имѣетъ также значеніе: на немъ воспитались послѣдующіе писатели, какъ напр. Тургеневъ и Достоевскій. Но самое важное значеніе поэзіи Гоголя заключается въ ея общественномъ элементѣ. «Для нашей литературы Гоголь (слова А. Н. Пыпина) открывалъ новую область идей, полагалъ основаніе ея дальнѣйшаго развитія, впервые сообщалъ ей

глубокій общественный смыслъ. Эта сатира съ такой живостью воспроизводила обыденную жизнь общества, что изображеніе бросалось въ глаза и производило глубокое впечатлѣніе: общество не могло не видѣть вѣрности зеркала, и невольно оглядывалось на себя. Какія бы ни были собственныя идеи писателя о содержаніи его картины, его произведенія стали художественной силой; они такъ ярко и наглядно изображали русскую жизнь, что заставляли задумываться; изъ-за ряда смѣшныхъ сценъ и характеровъ бросалась въ глаза нравственная нищета этой жизни, отъ которой не на чемъ было отдохнуть. Съ произведеніями Гоголя совершался актъ сознанія, одинъ изъ самыхъ важныхъ, какіе были въ новѣйшей исторіи нашего общества.

Что Гоголь имѣлъ большое вліяніе на послѣдующихъ за нимъ русскихъ писателей, видно изъ тѣхъ произведеній, съ которыхъ началась литературная извѣстность такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Тургеневъ и Достоевскій. „Записки охотника“ Тургенева есть какъ бы продолженіе „Мертвыхъ душъ;“ „Бѣдные люди“ Достоевскаго очевидно были навѣяны чтеніемъ Гоголя. Само собою разумѣется, что Тургеневъ и Достоевскій, какъ замѣчательные по оригинальности таланта писатели, внесли много новаго въ область нашей литературы; но, тѣмъ не менѣе, по реализму воспроизведенія русской жизни и по глубокому психологическому анализу ея явленій они были послѣдователями Гоголя.

Не менѣе велико и художественное значеніе поэзіи Гоголя. Правда, произведенія Гоголя заключаютъ въ себѣ изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, но это нисколько не мѣшаетъ имъ быть поэтическими. Они исполнены глубокой и живой фантазіи, благодаря которой поэтъ ясно видитъ въ каждомъ изображаемомъ предметѣ его вѣшную и внутреннюю сторону и ихъ взаимное отношеніе между собой. Художественность поэзіи Гоголя выражается въ описаніяхъ картинъ русской природы, въ изображеніи всѣхъ мелочей городского и сельскаго быта, въ описаніи наружной фізіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, наконецъ въ яркихъ, пластическихъ сравненіяхъ. Особенную жизненность описаніямъ вѣшной природы Гоголь придаетъ тѣмъ, что соединяетъ ихъ съ описаніемъ человѣка, такимъ образомъ они являются у него не сами по себѣ, а чаще для того, чтобы рисовать людей,

быть символомъ отдѣльнаго характера или общества. Описываетъ ли Гоголь деревни помѣщиковъ, или курятникъ Коробочки, или кладовую Плюшкина и псарню Ноздрева—во всякомъ изъ этихъ бездушныхъ предметовъ у него отражается самъ человекъ съ его личными свойствами и характеромъ. Сравненія у Гоголя, помимо ихъ мѣткости и выразительности, замѣчательны еще и тѣмъ, что они по большей части представляютъ собою какъ бы отдѣльную картину; припомнимъ лучшія изъ нихъ: сравненіе Манилова съ котомъ, у котораго пощекотали за ушами пальцемъ, радостнаго чувства среди печалей съ блестящимъ экипажемъ, который проносится по бѣдной деревушкѣ, глазъ Плюшкина съ мышами, горючихъ дамъ съ ученымъ, пускающимъ въ свѣтъ смѣлую гипотезу, и т. п. Но особенная сила творчества у Гоголя, которая придаетъ высоко-художественное значеніе его поэзіи,—это необыкновенно ясное и рельефное изображеніе внутреннихъ свойствъ человека въ различныхъ его видахъ. Въ созданныхъ имъ характерахъ мы видимъ не какіе нибудь частные случаи или явленія, а глубоко обдуманное общіе типы. Правда, въ нѣкоторыхъ типахъ Гоголь иногда преувеличиваетъ какую-нибудь черту, напр. въ Маниловѣ сентиментальность, но это дѣлалъ поэтъ въ интересахъ сатиры и изъ желанія возбудить въ читателѣ отвращеніе къ тому или другому человеческому пороку. Вообще же характеры, имъ созданные, не имѣютъ въ себѣ ничего фантастическаго; выхваченные изъ жизни, они возведены имъ „въ перль созданія,“ но такъ, что черты, которыми они отличаются, мы встрѣтимъ по частямъ у каждаго изъ русскихъ людей, въ различныхъ сословіяхъ и положеніяхъ русскаго общества.

Итакъ, велико, безъ сомнѣнія, общественное значеніе поэзіи Гоголя, но она потому и могла имѣть это значеніе, что Гоголь обладалъ огромнымъ художественнымъ талантомъ, благодаря которому онъ сумѣлъ отыскать глубокой смыслъ въ ничтожныхъ, повидимому, явленіяхъ окружающей его жизни и выразить ихъ въ образцовой поэтической формѣ.

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

- 1) Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ. Ц. 80 коп.
- 2) „Горе отъ ума“ *Грибоедова*, разборъ комедіи. Изд. 2-е. Ц. 40 коп.
- 3) **А. С. Пушкинъ**, біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
- 4) **М. Ю. Лермонтовъ**, біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 2-е. Ц. 45 коп.
- 5) „Ревизоръ“ *Гоголя*, разборъ комедіи. Изд. 3-е. Ц. 35 коп.
- 6) „Мертвыя души“ разборъ поэмы. Изд. 3-е. Ц. 45 коп.

ДОКУСФЕРА

Н
Главный складъ этихъ изданій:

С.-Петербургъ, Апраксинъ дворъ № 119, въ книжной торговлѣ **Т. Ф. Кузина**.

Склады этихъ книгъ находятся:

С.-Петербургъ: у Наслѣдниковъ бр. Салаевыхъ, Фену, Стасюлевича, при складѣ изд. Св. Синода Петербургск. сторона, Большой пр., № 7.

Москва: у Наслѣдниковъ бр. Салаевыхъ, Е. Н. Тихомировой.

Кіевъ: у Оглоблина и Розова.

Казань: у А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова.

Орель. у В. А. Иванова.

Томскъ: у П. И. Макушкина.

Тифлисъ: Центральный книжный магазинъ.

ДОКУСФЕРА

0

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

2007066989